

Уже сорок лет, как люди Барнаула живут в бункере. Уже сорок лет люди не видят солнца. Места и еды хватает всем. Жизнь спокойна и размеренна, можно не бояться любых угроз извне. Не нужно беспокоиться о проблемах алкоголизма и наркомании. Всё хорошо. Всё стабильно. Уже сорок лет мы живём в бункере, защищёнными от всего.

Вот только уже сорок лет можно ничего не бояться...

Все искренне верили, что уход в бункер необходим. «Это временно», – говорили все. «Всё будет хорошо», – уверяли они. Уже сорок лет население Барнаула заперто в этот чёртов бункер!

Сорок лет назад была объявлена тревога. Пришло сообщение, что ядерные ракеты обрушатся на административные центры нашей страны, включая и Барнаул. Было даже известно точное время начала атаки. Три сорок пять ночи. Счёт шёл на минуты. Думаю, нет ничего удивительного в том, что жители спрятались в непонятно откуда появившемся бункере. Так кстати появившемся...

Потом был обратный отчёт и ещё месяц напряжённого ожидания. А потом приборы показали, что на поверхности нормальный радио-

активный фон. Но выйти никто не смог. Все входы и выходы бункера оказались заблокированы. С ними не могли справиться ни алмазный стеклорез, ни взрывчатка. Взломать запирающую бункер программу тоже было невозможно. Впрочем, не факт, что какая-либо программа вообще существовала.

И тогда появились легенды о лабиринте под бункером, в центре которого находится главный компьютер, и только он может разблокировать выход. И попасть в лабиринт можно только один раз в год, в определённый день. Он вычисляется то ли по лунному календарю, то ли по различным затмениям, то ли невообразимо сложным математическим кодом или тёмным обрядом.

По мне – это всего лишь глупая байка, в которую могут верить только дети. Впрочем, бывают моменты, когда разумней молчать в тряпочку, что я, в принципе, и делаю. Людям надо иметь хотя бы призрачную надежду на будущее.

Прошло уже сорок лет с того момента, как люди вошли в бункер... Сорок лет. Смешно. Я с детства интересовалась различными мифологиями, религиями и мистикой. Я прочитала, что число сорок является числом смерти. С трудом подавляю грустную улыбку. Смешно. Хотя было бы весело, если бы ока-

залось, что ровно через сорок лет включится система самоуничтожения, и мы все умрём. Романтика.

Иногда мои мысли пугают даже меня. Правда, они доставляют мне намного меньше вреда, чем головная боль, непрекращающаяся уже две недели, и странные сны, похожие на воспоминания...

...Я сижу за столиком недорого уютной кафешки и жду своего жениха. Я никогда не считала себя красоткой и не мечтала о свадьбе. Но Лёша сделал мне предложение, и сейчас, в начале мая, мы с Лёшей пойдём подавать заявление в ЗАГС.

Но меня посещает странная мысль: «Оно мне надо?» Знаю, это глупо, но мне всего двадцать, и я даже не уверена, что люблю его. Вот только надо выходить, когда зовут, и за того, кто любит меня, а не за того, кого люблю я. Надо выйти замуж, родить детей, вкалывать на работе и дома и перестать летать в облаках. Вот только зачем оно надо? Дома вкальваешь, на работе вкальваешь, и никто спасибо не скажет...

– Привет, Ленусик. Заждалась? – в очередной раз, опоздав почти на полчаса, Лёша привычно садится напротив меня.

Интересно, если человек за двадцать три года не понял, что в паре парень-девушка опаздывать должна вторая, то есть ли смысл объяснять обратное?

– Привет, зайчик. Задержали на работе?

– А? Что? Не... Всё в порядке. Знаешь, Лен, нам надо серьёзно поговорить. Ты на днях забыла у меня пару тетрадок. Так в одной из них такие странные записи: какие-то магии с эльфами, схемы НЛО, лабиринт Минотавра, и всё это вме-

сте с зарисовками, рассуждениями, физическими формулами, мистическими символами и странными именами...

– Ты рылся в моих вещах?!

– Не говори глупостей! Я думал, это моя тетрадка.

– У тебя нет ни одной тетради в цветочной обложке!

– Не меняй тему! – Лёша резко бьёт кулаком по столу, и я едва не подпрыгиваю от громкого звука.

Вытираю салфеткой пролитый чай, одновременно с этим неловко улыбаюсь остальным посетителям. Надо было сесть в випку.

– Что это за бред сумасшедшего? – продолжал между тем Лёша. – Я, конечно, помню, что ты говорила про свой интерес к мифам и мистике и детскую мечту стать писателем, но эта твоя писанина просто... просто... Да у меня даже слов нет, что это такое!

– Лёш, пожалуйста, успокойся. Я считаю, что у каждого мифа и теории есть логическое объяснение. Возможно, во многом они пахивают мистикой и различными лженауками, но ведь то, что для нас – обывденные вещи, для наших предков было бы настоящей магией!

– Хватит. Пора взрослеть. Моя жена не должна забивать себе голову всякой бесполезной чушью. Кстати, ты уже поговорила с матерью? Валентина Павловна плохо на тебя влияет.

– Я не понимаю, чем тебе не нравится моя мама! Мама очень спокойная, добрая, умная, рассудительная и понимающая. Она никогда про тебя плохого слова не сказала, а ты...

– Скажи, Ленусик, ты же не собираешься ни в чём меня обвинять?! – его голос звучит всё жёстче и злей,

и я чувствую, что вот-вот сорвусь.

– Мама сказала, что я уже взрослая и должна сама делать выбор.

– Ну так сделай его! Я же сказал: «Или Валентина Павловна, или я». Только думай быстрее. Ты же понимаешь, что ты далеко не красотка. Надеюсь, тебя не прельщает участь сорокалетней старой девы с пятью кошками и мамой.

Чувствую ком в горле и с трудом сдерживаю слёзы.

Это всего лишь сон. Вот только кошмар или мечта? Я никогда не видела солнце, и мои представления о кафетериях весьма расплывчатые. У меня никогда не было парня, и я никогда даже не думала становиться писателем. Это всего лишь сон, и во сне это не я. Но у мамы такие же усталые и добрые глаза, а я всё так же «люблю» своего брата.

Я далеко не всегда имею привычку философствовать, хоть и часто сбегая от реальности в другие миры. Я никогда не хотела писать, но я никогда не переставала мечтать и думать о другой жизни, о возвышенном и непознанном. Пора взрослеть.

Ну вот, опять. Я – прямо Сусанин. «Куда ты завёл нас, такой-то Сусанин? Идите вы на фиг, я сам заблудился». Даже при всей моей «везучести» и «умении ориентироваться на местности» это уже слишком.

Чувствую нарастающую нервозность. Я просто накручиваю себя. Всё в порядке. Я же не могла заблудиться в бункере. Я ведь родилась тут, с мальчишками все уголки исследовали, прежде чем мне девять исполнилась. Я не могла потеряться! Может, я просто зашла не в тот

район? Один из тех неблагополучных районов, от которых нужно держаться подальше? Всё в порядке. Сейчас я успокоюсь, сделаю глубокий вдох и найду выход.

Внезапно сзади раздаются чьи-то тяжёлые шаги. Оглядываюсь и с ужасом замечаю огромную мужскую фигуру.

Мгновенно в голове отдаётся один-единственный сигнал: «Беги». И я бегу.

Перед каждым поворотом мелькает мысль: «Сюда. Я знаю это место», – и каждый раз я всё больше запутываюсь.

Во мне сидит чёткая уверенность, что никто или почти никто ни разу не бывал в этих местах, а если и бывал, то никогда не возвращался. Надо остановиться и подумать, но шаги звучат всё быстрее и громче, и я бегу изо всех сил. Мне наплевать, почему я до сих пор не выдохлась, но мне не наплевать, почему до сих пор не выдохся Он.

Шаги уже совсем рядом, и я изо всех сил несусь к очерченному повороту коридора с навальной возле него грудой хлама. Из неё уверенно торчит один конец небольшого ломика, и вся моя надежда на него. Если я успею схватить ломик и повернуться лицом к преследователю, то, возможно, он испугается. Глаза, горло, пах? Я не смогу ударить человека! Так нельзя!

Делаю отчаянный прыжок на светлое пятно возле этой свалки и слышу оглушающий громкий треск под ногами. И я проваливаюсь вслед за прогнившими досками.

Жёсткий удар о кучку старых пыльных матов, и я пружиной вскакиваю на ноги.

Проклятие! Дыра слишком высоко, можно даже не пытаться под-

прыгнуть, чтобы выбраться назад, а стены достаточно далеко... И ничто не может послужить опорой!

Я быстро поворачиваюсь вокруг и оглядываю обстановку. Тут не темно. Тут не плохо – пытаюсь убедить себя. Если бы я хоть немного любила эти глупые ужастики, то мне бы тут даже понравилось. Гладкие каменные стены высотой в три-четыре метра, все испещрены различными трещинами и записями. Вот след от когтей, а рядом пятна засохшей крови. Дырки возле моего лица заставляют невольно вспомнить о пистолете Макарова или знаменитом калаше.

«Встать спиной к стене, – единственная здравая мысль, полученная из фильмов. – Думай, Ленка, думай. Успокойся!»

Прижимаюсь к холодному камню и стараюсь следовать своему же совету. Всё хорошо... Это всего лишь комната под бункером... Несколько комнат... Тут хорошо, тихо, спокойно. Мне тут нравится... Тут безопасно...

Вот только ни хрена это грёбаное самовнушение не помогает. Кровь, словно набат, бьёт в ушах.

Поворачиваю голову и почти утыкаюсь в двух здоровенных сококожек. Невольно отшатываюсь в сторону и замираю. Я смотрю в пол и вижу на нём пять глубоких, постепенно утончающихся полосок. Четыре из них расположены почти параллельно, а пятая – поперёк. В метре от них находится ещё один точно такой же узор.

Чересчур богатое и оттого не менее болезненное воображение подкидывает картину отчаянно цепляющегося за пол Фредди Крюгера. Вот он в ужасе оглядывается на что-то позади себя, и оно утаскивает его

в темноту.

Кап. Кап. Кап. Откуда же тут капает? Это уже порядком действует на нервы. Кап. Кап. Кап. Заткните их! Кап. Кап. Кап. Пахнет сыростью и кладбищенским холодом.

Из комнаты выходят четыре коридора: один сзади и три впереди. Надо идти хоть куда-то. Господи, я никогда не была особенно верующей, но, блин, Боже, как же страшно.

Дыра в потолке слишком высоко, чтобы можно было выбраться, но я всё равно смотрю туда. Вижу, как в ней мелькает серая тень, и моё сердце гулко падает в пятки. Я гложу от сумасшедшего сердцебиения и кидаюсь в ближайший от меня проход.

Стены смазываются в одно серое пятно, а в голову проникает тихий шипящий голос: «Ты долго... Где ты была? Иди ко мне».

Топ. Топ. Топ. Слышатся чьи-то шаги. Поступь тяжёлая, неровная. В памяти всплывает греческий миф про Минотавра.

Оглядываюсь, но не вижу никого.

Шаги становятся всё ближе. Интересно, Минотавр сначала разорвёт меня на части или сразу будет есть? Первый вариант мне нравится больше.

Шаги то удаляются, то раздаются совсем рядом. Я не имею ни малейшего понятия, где нахожусь, и не имею ни малейшей возможности запомнить путь.

Наконец шаги затихают, и я на полном ходу врезаюсь во что-то мягкое.

От моего истошного крика, наоборот, гибнет всё живое в радиусе пяти километров, но мне не до того. Я сжимаю в руках короткую мягкую шерсть и не могу остановиться.

Но ничего не происходит. И я, собрав остатки разума, ощупываю свою находку.

Короткая тёплая шерсть с карманами и прохладными пуговицами. В нос бьёт сильный запах нафталина, а руки с несвойственной мне хваткой сжимают плечи пластмассового манекена, одетого в длинную шубу.

Я не могу удержаться и смеюсь. Смеюсь сначала тихо, потом всё громче и громче. Из глаз в который раз текут слёзы, а смех перемежается всхлипами.

Капец, это моя первая в жизни истерика! Если выживу, обязательно запомню этот день...

Помню, как старики пугали нас, детей, русско-греко-голливудской версией лабиринта Минотавра. Они говорили, что под бункером находится древний лабиринт. Его построили атланты под руководством анунаков с планеты Нибиру. Единственный способ открыть бункер – это пройти в центр лабиринта и встретиться там с помещью бегемота с носорогом, в простонародье именуемой демоном. Нужно убить демона и сломать центральный пульт. Только тогда мы все сможем выбраться наружу.

Смешно. Демон. А я тогда супер-модель и Мэри Сью в придачу.

Интересно, а если эти ежегодные пропадающие люди оказывались здесь? А что, если это всё не случайно?!

«А ты не так глупа, как кажется на первый взгляд. Иди ко мне. Давай же. Я жду тебя», – этот шипящий голос буквально окружает меня.

Зажимаю уши и твержу все известные мне молитвы, пытаюсь сказать какую-нибудь свою, но в голову упорно лезут одни маты.

Бежать уже банально нет сил, но я упорно плетусь куда-то вперёд. Когда идёшь, не так страшно. Можно представить, что за следующим поворотом стоит мама или вечно недовольный мной брат. Всё будет хорошо. Пожалуйста...

Правая нога неприятно ноет, и я старательно растираю её. Скорей всего, будет синяк. Мне глубоко плевать с высокой вышки на какой-то синяк. Одним больше, одним меньше. Тяжело дышать. Горло. Давит. Опять. Я не чувствую ног. Хочу сдохнуть, но боюсь умереть. Мама плакать будет.

Я вновь и вновь поворачиваю не туда. Зябко повожу плечами и едва не застываю на месте, почувствовав тошнотворно-сладкий запах.

«Ну же, ну же. Ещё шагок. Ещё другой. Я сказал: ещё шагок!»

Подскакиваю и несусь дальше. Глаза слепит яркий белый свет. Я пинаю что-то и, посмотрев на это, изо всех сил кричу: «Хватит!»

На полу лежит ровная горка человеческих черепов. Они жутко усмехаются мне и подмигивают пустыми глазницами.

Я нахожусь в большой светлой комнате. Кроме горки черепов по центру и странной панели у противоположной стены, тут ничего нет.

Нужно успокоиться. Ну же, всё в порядке! Это просто дурной сон.

«Ты долго», – голос звучит прямо из-за спины.

Бежать бесполезно. Нужно хоть узнать, какая тварь меня убьёт.

Поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и чувствую приближение новой истерики.

На меня смотрит молодая девушка лет двадцати. Тёмные волосы то ли каштанового, то ли русого цвета сбились в один неясный кол-

тун. Немного детское лицо с пухлыми губами и чуть вздёрнутым носом выражает поистине животный ужас. Каре-зелёные глаза покраснели от слёз. Старые джинсы и любимая мужская рубашка в клеточку. Вместе с сутулой осанкой.

Девушка неловко поводит плечами и сильно прогибается назад, пытаясь хотя бы на время избавиться от сколиоза. На меня смотрю я.

– Привет, Ленусик. Заждалась? – моя копия нагло глазеет на меня и почти сразу же виновато улыбается. – Ты же знаешь, как плохо в наше время летать в облаках.

– Скажи, у меня обычно такое жалкое лицо, как у тебя сейчас, или ты это специально? – надо оставаться спокойной. Меня явно пытаются заставить играть по чужим правилам.

– А то ты не знаешь? Ты же понимаешь, что ты далеко не красотка. Надеюсь, тебя не прельщает участь сорокалетней старой девы с пятью кошками и мамой...

Я чувствую подступающую панику. Почему это существо выглядит как я и откуда оно знает про мой кошмар? Но нельзя показывать страх. Нужно тянуть время – может, это существо сделает ошибку и у меня появится шанс на спасение?..

И тогда я нагло отвечаю:

– Может быть, я не против?! Ты вообще кто? Помесь бегемота с носорогом, если я не ошибаюсь?

Существо притворно вздыхает и, закатив глаза, спрашивает:

– Куда катится мир? Каждая малолетка стремится обидеть бедного демона. Я ждал чего-то необычного от сороковой жертвы лабиринта, а тут... Ладно, дьявол с нами! Начинай уже пытаться меня убить, что ли! Может, хоть рассмешишь.

Эта тварь явно издевается надо мной! Я расправляю свою сколиозную спину и усмехаюсь.

Демон понимающе смотрит на меня и привычным движением крутит в руке нож. Потом небрежно кидает его к моим ногам:

– Можешь попытаться меня зарезать...

Я игнорирую нож и продолжаю игру.

– Мог бы превратиться в моего «любимого» брата или «горячо обожаемого» одноклассника. Всю жизнь мечтала им врезаться! – никогда не умела язвить, и, видимо, учиться уже поздно.

– Ты?! Ударить кого-то?! Не смейши меня! – двойник смеётся моим голосом.

И я понимаю, что он прав: я не могу ударить человека! Но он не человек! Но ведь похож!

Двойник приобнимает меня за плечи, наклоняется к моему уху и шепчет:

– А ведь твой братишка во всём лучше тебя! Психология интересная штука. Позволяет людям получить видимость власти над жизнью. Но мы-то с тобой знаем, что люди всего лишь жалкие марионетки.

Чувствую, как от его голоса у меня волосы встают дыбом. Он это знает, и это ещё сильнее давит на меня.

– По крайней мере, я добрая! – кричу я.

Демон снова смеётся и, я знаю, что проиграю в любом случае.

– Но почему я? – без особой надежды тяну время.

– Может, отбросим прелюдии? – демон довольно ухмыляется и, театрально преклонив колено, словно меч рыцарю, протягивает мне не-

Большую фомку. – Все эти сказочки – правда. Ты можешь сейчас попытаться убить меня и выбраться из лабиринта. Или сразу сдаться. Ну же, девочка. Давай! Условия у всех одни! Давай, девочка! Я жду!

Чувствую, как горло перекрывает комок, и с трудом сдерживаю слёзы. Я умру в любом случае. Единственное, что я могу сделать, – это выбрать, как встретить смерть: на коленях или с достоинством. И выбор для меня очевиден. Я беру из рук демона фомку.

Демон поднимается и, раскинув руки, изображает распятого Иисуса. Его лицо выглядит всепонимающе и всепрощающе, но я ни на миг демону не верю.

Перехватываю фомку поудобнее и кидаюсь к намеченной цели. Вкладывая всю силу в удар, опускаю фомку... на панель. Бью снова. Ещё. И ещё...

Летят искры, ошметки пластика. Из нутра панели вываливаются связки разноцветных проводков, микросхемы. Поддеваю фомкой внутренности панели и вскрываю коробку... Где-то далеко слышится грохот и лязг заржавленного железа.

Всегда должен быть третий путь. Надо просто подумать и принять правильное решение.

Размах – и фомка с силой вырывается из моих рук. Я с ужасом смотрю на своего двойника и чувствую, как ноги перестают меня держать.

– Не ожидал от тебя подобной глупости. Спасти всех, но умереть самой. Как это по-человечески. А ведь я хотел подарить тебе лёгкую смерть!

Острые кожистые крылья прорывают рубашку на спине, и клы-

ки и когти моего двойника стремительно удлинняются...

Я, окрылённая, вприпрыжку лечу по улицам Барнаула. Не могу поверить, мой «Лабиринт» скоро напечатают в журнале! Нужно было давно отнести его в редакцию! Меня! Напечатают! Напечатают! У меня получилось!

Что ж, если я сказала «а», надо говорить и «б». Достают мобильник. Быстрый набор. Три, четыре. Автоответчик. Впрочем, так даже лучше. Никто не перебивает.

– Здравствуй, Лёша. Знаю, это не телефонный разговор, но ты меня достал. «Сорокалетняя старая дева с пятью кошками и мамой». Серьёзно?! А ты сам-то кто? Я постоянно чувствую себя рядом с тобой плешивым мужиком, прожившим уже сорок лет в браке со стервой и истеричкой! Угадай, кто жена? Запомни раз и навсегда – Я! Никому! Ничего! Не должна! В общем, для особо одарённых – пока и прощай!

Нажимаю отбой и занову номер в чёрный список.

Ещё один быстрый набор. Жду, пока возьмут трубку.

– Привет, мам. Как дела? Понятно... У меня всё хорошо. Я хотела сказать, что завтра не приеду. Возникли кое-какие дела. После расскажу. Хорошо. Пока.

Замечаю своё отражение в витрине и одёргиваю новое платье. А мне идёт смена имиджа. Не зря вчера по магазинам ходила.

Улыбаюсь весеннему солнцу и, шурясь, наблюдаю за стайкой воробьёв. Убираю в сумку наушники. У меня впереди целый мир, и нет смысла прятаться от собственного счастья. Всё в моих руках.